

MAGNUS LJUNGGREN

Professor of Russian literature, University of Gothenburg
(Gothenburg, Sweden)
magnusljunggren@telia.com

РУССКИЙ СИМВОЛИСТ У СТРИНДБЕРГА

Раскрываются малоизвестные факты из биографии А. Блока и В. Пяста, переводчика, литератора, журналиста. Важным фактором духовной близости поэта и литератора станет обращение к прозе шведского драматурга А. Стриндберга. Освещена поездка В. Пяста, инициированная А. Блоком, в Стокгольм в трагическом 1912 году, выявлены сходные мотивы творчества русского поэта-символиста и шведского драматурга-новатора.

Ключевые слова: русско-шведские литературные связи, Стриндберг, одиночество

В 1910 году русский символизм переживает состояние кризиса. На смену экзальтированным ожиданиям апокалиптических перемен начала века пришло чувство подавленности и апатии. Александр Блок отстраняется от прежнего круга общения. Именно в этот момент его друг и коллега Владимир Пяст дарит ему роман Стриндберга «Одинокий». Пяст оказался восприимчив сразу к нескольким ипостасям Стриндберга – автору автобиографической прозы, политическому бунтарю, оккультисту и Стриндбергу-экспрессионисту. Находясь в преддверии своей автобиографической поэмы «Возмездие» с эпиграфом из Ибсена, Блок вскоре проявил к личности Стриндберга не меньший интерес. Идентификация с отъявленным одиночкой стала почти полной: подобно Стриндбергу, Блок предпринимал длительные прогулки по своему городу и подчеркивал свою свободу от прежних знакомств – тот факт, что он был «одинок»¹ [4; 383].

Русская интеллигенция, как считал в тот момент Блок, оказалась в тупике, предавшись вялости и инертной беспомощности. Стриндберг, со своим горьким опытом, указал выход из тупика. Казалось, он представлял собой нечто мужественно-суровое, закалившееся в горниле бунтарских мечтаний, душевных кризисов и оккультных испытаний. Блок желал личной встречи со Стриндбергом, но здоровье не позволяло ему отправиться в Стокгольм. В апреле 1912 года, находясь в состоянии депрессии и подавленности, он написал статью «От Ибсена к Стриндбергу», в которой утверждал, что Стриндберг на целый шаг опередил Ибсена: последний парит над фьордами, подобно птице, в то время как Стриндберг – прежде всего человек, мужчина, «муж». Рука Ибсена бела и бескровна, писал Блок, у Стриндберга же рука рабочего или атлета, одновременно мощная и израненная. «Больной» России жизненно необходим Стриндберг [2; 462].

Пяст полностью разделял мнение Блока. Его переживания были, быть может, еще интенсив-

нее. Стриндберг представлялся ему «наиболее значимым на земле человеком и писателем», и, что довольно характерно, Стриндберга-человека он ставил выше Стриндберга-художника [5; 196]. В Петербурге было уже известно, что великий швед серьезно болен, что, возможно, жить ему оставалось недолго. Если хотелось его увидеть, пожать его мужественную руку, нужно было торопиться. Именно тогда, ранним утром в середине апреля, Пяст прочитал в петербургской газете, что состояние Стриндберга ухудшилось. Сам же он, постоянно находившийся в стесненных экономических обстоятельствах, неожиданно получил заказ на два перевода. Это привело его к решению любой ценой, пока еще не поздно, отправиться в Стокгольм. Обещанные гонорары давали возможность поехать, но были недостаточны для покрытия всех расходов на путешествие. Пяст был вынужден попробовать заключить контракт с газетой на должность корреспондента, добиться гонорара за репортажи из Стокгольма. Блок посоветовал ему обратиться в «Русское слово». Газета тут же приняла предложение Пяста, и ему была обещана приличная сумма за обширный репортаж. Гонорар не мог быть выплачен вперед, но должен был быть выслан на его стокгольмский адрес сразу по получении репортажа по телеграфу.

В мемуарах, озаглавленных «Встречи», Пяст спустя семнадцать лет подробно описывает свое путешествие. Он ехал в Стокгольм на корабле через Турку (Або). Судя по всему, он отправился к Стриндбергу в самый день своего прибытия, 29 апреля. Оглядываясь назад, он намеренно старается преуменьшить все, что окружало Стриндберга. «Синяя башня» представлена маленькой, серой, обыденной. Умиравший писатель оказался помещен в «сероватую, скромную» квартирку наедине со своей домработницей [6; 153]. Как только Пяст поселился в гостинице, он немедленно связался с зятем Стриндберга, Владимиром Смирновым (они жили в соседних отелях в центре), от которого узнал, что больной никого не

принимает, кроме самых близких. Добровольно выбранная изоляция оказалась теперь полной.

Пяст сидел, окруженный играющими детьми в сквере Тегнерлунден по соседству, и спрашивал самого себя, неужели так и не удастся хоть мельком увидеть «человека, который в моем представлении выпадает из числа прочих живущих на земле людей», обменяться с ним взглядом, услышать его голос [6; 153]. Он набрался храбрости, поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Открыла служанка Мина. В просторной прихожей было темно. Дверь в комнату больного была приоткрыта. «Так живут мученики науки, – подумал Пяст, – писатели, которые сами выбрали уединение». Он мог бы с легкостью преодолеть преграду и войти в комнату, но после минутного колебания все же решил, как тяжело ему это ни далось, не нарушать волю «великого». Пяст оставил экземпляр недавно изданной автобиографической «Поэмы в тонах» в оригинале с прикрепленной к нему визитной карточкой с приветствием.

Одиночество еще больше, чем прежде, стало лейтмотивом в его восприятии Стриндберга. В мемуарах он торжественно восклицает: «Жилище автора “Одинокого”, первой книги Стриндберга, которую я прочел, – я в тебе был!» На визитной карточке он написал на ломаном шведском примерно следующее: «Августу Стриндбергу, Единственному, но уже больше не Одинокому – от молодых русских поэтов». На всякий случай он передал зятю Стриндберга еще один экземпляр книги со следующим посвящением: «Nur an August Strindberg, den Einzigen aber nicht den Einsamen». Это была игра слов: Стриндберг, вне сомнения, был одинок. Но в этот момент имелось в виду то, что он был единственным, он был уникален. Ибо, с другой стороны, он стал частью молодого русского содружества, стал близок Блоку, самому Пясту и Андрею Белому, который признавался Блоку за пару месяцев до этого, что после чтения «Инферно» почувствовал особую «радость в том, что он вот не одинок...» [1; 440]².

Пяст тоже не был совершенно одинок – он чувствовал себя окруженным агентами шведской охраны, которые следили за чужестранцем. Кроме того, он встречался с дочерьми Стриндберга – Карин и Гретой. Очень скоро деньги, однако, стали иссякать. Статья была выслана, но гонорар не поступал. Пяст получил некоторое вспомоществование от Смирнова, но все более чувствовал себя как молодой писатель из «Голода» Гамсуна [6; 156]. И все же он многое успел: посетил зоологический парк «Скансен», Народный Дом, Королевскую библиотеку, Национальный музей, Северный музей – музей шведской культуры и этнографии, а также Дворянское собрание и салоны ресторана «Бернс».

Спустя несколько дней он, наконец, получил денежный перевод от матери и смог отправиться в обратный путь – раньше, чем планировал. Впо-

следствии выяснилось, что гонорар по иронии судьбы дошел до Стокгольма сразу после его отъезда. Из-за неудачного стечения обстоятельств статья так и не была напечатана в «Русском слове». Но главный редактор был доволен работой Пяста: «Не правда ли, – очень хорошо сделали, что так, бросив службу, без копейки денег, вздумали тогда поехать в Стокгольм? Ведь этого – не правда ли? – *никто* у вас больше не сумеет отнять, – того, что вы были, съездили! – Правда, правда, правда!» [6; 157].

Вернувшись в Петербург, Пяст поделился своими впечатлениями от путешествия с Блоком, который после смерти Стриндберга 14 мая с доставленной из Стокгольма репродукцией портрета Стриндберга кисти Рихарда Берга перед глазами написал статью «Памяти Августа Стриндберга». В ней Блок описывает его как «пробный» тип нового человека, уникальное соединение мужественного и женственного начала, ученого и художника, ремесленника и творца, демократа и товарища [3; 463–469]. За этим последовало «стриндберговское лето» петербургских символистов, завершившееся мейерхольдовской постановкой в Териоках «Преступление преступлению рознь». Пяст прочитал вводную речь на фоне слегка кубистического портрета Стриндберга работы Николая Кульбина в траурной рамке. Здесь были среди прочих Блок и пара Владимир и Карин Смирновы. Любовь, жена Блока, блистала в роли Генриетты, по словам Блока, роли всей ее жизни³ [4; 398]. После интенсивного «стриндберговского лета» страсть постепенно стала угасать, а с ней и дружба Блока и Пяста.

Между тем отчет Пяста о путешествии все же был напечатан в журнале «Новая жизнь», в майском номере 1912 года. Он, разумеется, свежее и правдивее в деталях, чем мемуары. Статья открывает перед нами и удивительную панораму времени. Еще яснее, чем книга воспоминаний, она дает представление о Стриндберге как, с одной стороны, титане в поединке со смертью, с другой же – как о ближнем, товарище по борьбе, чей характер вмещает в себя и суровость, и нежную заботу.

Особенно поражает, однако, то, что Пяст-радикал почти совсем вытеснил здесь Пяста-окультиста (чего можно было бы ожидать скорее от его мемуаров, опубликованных в советское время). Хотя он и усматривает мистическую связь между солнечным затмением и массовыми расстрелами бастующих рабочих на реке Лене – за день до гибели «Титаника». В это время смертельно больной Стриндберг, собирая последние силы, играет на рояле траурный марш, который вторит этой катастрофе цивилизации. Так символисты толковали – и охотно связывали между собой – знаки времени.

Кроме карнавальная процессии и традиционных чествований студентов накануне Валь-

пургиевой ночи в Скансене, Пяст с особым интересом описывает празднование Первомая с его демонстрацией, протянувшейся от площади Норра Банторьет и вверх по бульвару Валхаллавэген и завершившейся речью Яльмара Брантинга на поле Ладугордсьердэ, посвященной великому сыну шведского народа. Для русского гостя кульминацией празднования, казалось, стала постановка в честь Стриндберга «Фрёкен Жюли» в театре Народного Дома, сопровождаемая приветствиями от профсоюза рабочих под сенью увенчанного лавровым венком бюста Стриндберга с надписью на ленте: “народному поэту” в этот “народный день”. Пяст связывает с этим, естественно, большое количество народа на похоронах Стриндберга тринадцать дней спустя – событие это снова выпало на 1 мая по старому стилю, что было в глазах Пяста символично. В более глубоком смысле Стриндберг, таким образом, оказался не одинок и в своем отечестве.

Можно было подумать, что этот «революционный» взгляд на Стриндберга мог бы создать хорошие предпосылки для отношений между Пястом и большевиком Смирновым. Но вышло иначе. В опубликованных и неопубликованных воспоминаниях Владимира Смирнова и его жены Карин о последних днях Стриндберга и о знакомстве с Пястом (а затем и с Блоком в Териоках) между строк читается, что символисты в глазах обоих были далекими от реальности экзальтированными духовидцами. Смирновы – особенно Карин – подчеркивают странности Пяста. Они как будто не хотят ничего знать о его демократических взглядах и интересе к Стриндбергу как к «стирающему классовые границы» борцу за рабочее дело⁴.

Спустя несколько дней после приезда Пяст уже вполне освоился в Стокгольме, в котором он, судя по всему, усматривает черты своего родного города. Он охотно проводит параллели. Действительно, у Стокгольма и Петербурга много общего – оба города на воде расположены на одном градусе северной широты.

Почти за два года до Стриндберга скончался Лев Толстой. Это событие в символистских кругах приобрело апокалиптическое измерение. Символисты восприняли его драматическую кончину – в бегстве из богатой помещичьей среды Ясной Поляны в монастырскую аскезу – как национальное потрясение. Пяст на тот момент считал естественным сравнить смерть Стриндберга именно со смертью Толстого. Более того, для него это была смерть, ставшая воскресением, призывом к новой жизни. Блок выразил нечто подобное в написанной тогда же статье памяти Стриндберга.

Символисты жили с обостренным чувством надвигающейся агонии текущей эпохи и наступающих исторических перемен. Они были «сейсмографами» в гораздо большей степени, чем писатели-радикалы типа Максима Горького, которых восхвалял Смирнов.

Следует отметить, что в статье Пяста обнаруживается характерное для того времени восприятие Швеции как страны, тесно связанной с природой и первобытностью, и, быть может, именно поэтому по-детски подлинной, невинной, целомудренно чистой. Своего великого, питавшегося от народных истоков сына страна не может воспринять умом, лишь сердцем. Подобный взгляд также является неотъемлемой частью культа Стриндберга у русских поэтов.

(Пер. со швед. Н. Воиновой)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо Андрею Белому от 25 января / 7 февраля 1912 года [1].

² Письмо А. Белого от 6/19 февраля 1912 года [1].

³ Письмо к матери от 15/28 июля 1912 года [1].

⁴ См.: Smirnoff V. August Strindbergs sista dagar (Последние дни Августа Стриндберга) // Afton-Tidningen. 1942. 14 мая. См. также: Minnen av en härlig rebell (Воспоминания о славном бунтаре) // Vi (Мы). 1942. 9 мая; отрывок из воспоминаний Karin Smirnoff: Aleksandr Blok och Strindbergs ansikte (Александр Блок и лицо Августа Стриндберга).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
2. Блок А. От Ибсена к Стриндбергу // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5.
3. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 5.
4. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 8.
5. Литературное наследство / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. (Литературное наследство). Т. 92: В 4 кн.: Александр Блок: новые материалы и исследования, кн. 2 / Ред. В. Р. Щербина. 415 с.
6. Пяст, Владимир Алексеевич. Встречи / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 413 с. (Россия в мемуарах).